

МАКСИМ ГАЗИЗОВ

ВЫСОКИЙ ПОРОГ

*В трагической формуле мира
Я изгнан за скобки. Мой знак
Стоит одиноко и сиротливо,
Таращась в распахнутый мрак.*

Ю. П. Кузнецов
“Вечный изгнанник”

... Летними вечерами старик выходил во двор и, долго вглядываясь в звёздное небо, задумчиво произносил:

– Мудрёно!

Его внук запомнит это на всю жизнь. Воистину, доступная любому русскому человеку, сознание которого не запятнано фальшью современности, кантовская полнота созерцания через погибшего на Великой Отечественной войне отца будет передана от деда – внуку. Через собственный род осознаётся неразрывная связь со всем народом: “...сквозь мёртвую рубаху // корнями в землю сердце проросло”.

Имя его – Юрий Поликарпович Кузнецов; единственный поэт, который взял на себя титанический труд не только продолжить истинно русскую, пушкинскую поэтическую традицию, но и полностью реализовать её заново в собственном творчестве. Память всех предыдущих поколений, каждое духовное движение предков воскресает в поэзии Кузнецова:

*Я пил из черепа отца
За правду на земле,
За сказку русского лица
И верный луч во мгле.*

*Вставали солнце и луна
И чокались со мной.
И повторял я имена,
Забывшие землём.*

Священные символы бытия, принятые из народного наследия, волшебным образом превращены в поэтические образы. Говоря словами профессора В. В. Фёдорова, только вполне овладев языковым бытием, личность становится субъектом словесного бытия, то есть человеком в высшей форме его существования. После А. С. Пушкина это смог только Ю. П. Кузнецов. Свобода, дарованная

Богом, власть над языковым бытием выражается воистину в русском размахе, и вот во взоре лирического героя уже зияют все мировые бездны:

*И в дыму от Москвы по Хвалынское море
Загулял ты, как бледная смерть...
Что ты, что ты узнал о родимом просторе,
Чтобы так равнодушно смотреть?*

В девять лет начинает Юрий Кузнецов писать стихи. “Святая тень отца” (а не демоническая, шекспировская), словно тень всего русского прошлого, не видимая, но почти осязаемая, освещает его поэтический путь. В армии Кузнецов служил связистом (Куба, Карибский кризис, можно сказать, мир на волоске от гибели). Дальше – путь по ключевым узлам Советской империи, Москва... Редактор поэтической рубрики лучшего русского литературного журнала – “Наш современник”. Близкий друг – историк и мыслитель Вадим Валерианович Кожин, который становится для поэта таким же философским наставником, как для А. С. Пушкина – А. Я. Чаадаев. С каждым годом всё ярче вырисовывался центральный образ кузнецовской лирики – “русский космос” во всём его безграничном многообразии.

Поэзия Ю. П. Кузнецова подтверждает следующую закономерность: только следование традиции порождает нечто самобытное; желание же оригинальничать, создавая “нечто новое”, оставляет жалкие многочисленные штампы. Тютчевское столкновение бытия и небытия в творчестве Кузнецова проявляется в более страшной наглядности:

*Ночь!.. Опасайся мыслей
С пёсьими головами.
В душе горят, не мигая,
Зелёные лица сов.
И тело стоит отдельно —
Не прикоснись руками,
Когда идёт по восьмёрке
Стрелка мировых часов.*

Или, например, вслушайтесь в такие строки из поздней лирики:

*Я покрылся живыми сетями.
Сети боли, земли и огня
Не содрать никакими ногами —
Эти сети растут из меня.*

*Может быть, сам с собой я схватился,
И чем больше рвалось, тем сильнее
Я запутался и превратился
В окровавленный узел страстей.*

Эротическая (в самом глубинном, платоновском понимании) лирика Ю. П. Кузнецова, пожалуй, превышает по своей мощи все предшествующие образцы. Об этом свидетельствуют такие шедевры, как “Бранная ночь”, “Всё прошло! Золотые надежды...”, “Ни жена, залитая слезами”, “Духи”.

*Ты летела, во мраке шурша,
За погибелью или спасеньем,
Как ночная земная душа,
Но с небесным диковинным зреньем.
И, упав у какого-то пня,
Ты шуршала крылами всё глуше:
— Ночь любви, отомсти за меня,
Ночь любви, погуби его душу...*

Поражает смелость кузнецовских образов, их безапелляционная истинность. Его лирический герой – на равных с величайшими мировыми творцами,

с Петраркой и Данте, с Гёте и Кантом; античный мир переживается в его поэзии как “здесь и сейчас”:

*Заливайтесь, античные хоры!
На смолу разменялся янтарь.
Я прошёл за кудыкины горы
И увидел последний фонарь.*

*И услышал я голос привета,
Что напомнил ни свет, ни зарю:
— Сомневаюсь во всём, кроме света!
Кто пришёл к моему фонарю?*

И, конечно же, очередная гибель Империи – развал Союза, расстрел парламента переживаются поэтом, как гибель всего бытия, превращения Вселенной в ничто:

*Я увидел сны врагов природы,
А не только сны моих врагов.
Мне приснилась ненависть свободы
В ночь перед окончанием веков.*

Враги народа – это враги России. Творчество Ю. П. Кузнецова – не просто обличение, но и выявление истинной демонической сути ненависти и бытия. И только презрения достойны многочисленные графоманы, выдающие “свой скрип за Божью милость”. Таким и посвящено стихотворение “Отповедь”:

*Плащ поэта бросаю — ловите!
Он сожёт вас до самой земли.
Волочите его, волочите,
У Олимпа сшибая рубли.*

*Вот отсель поперечно-продольно,
Проходимцы души и дорог.
Не хочу. Презираю. Довольно
Обивать мой высокий порог.*

... Ю. П. Кузнецов внёс в сокровищницу русской поэзии и замечательные поэмы: “Золотая гора”, “Дом” (лучшая, на наш взгляд, поэма о Великой Отечественной войне), “Юность Христа”, “Путь Христа”, “Сошествие в ад”. Последняя поэма по глубине и силе равна дантовской “Божественной комедии” (правда, у Данте ад – кольцевой, у Кузнецова – линейный; кольцевыми являются сами муки грешников; потому можно сказать, что метафизический уровень поэмы Кузнецова сложнее, напряжённее).

По благословию Алексия II Юрий Кузнецов переложил на современный поэтический язык лучшее произведение древнерусской церковной словесности – “Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона. Важно заметить, что в подавляющем большинстве стихотворения, написанные современными стихотворцами на православную тематику, удивительно бездарны. Впрочем, этому есть объяснение: в данном случае священное унижается до слабых строчек псевдопоэтов; в случае же Юрия Кузнецова поэзия достигает божественных высот. Священные образцы доступны только гению.

Юрий Кузнецов начал писать поэму “Рай”. Нам осталось только лишь несколько строк этого творения, – в ту же ночь 17 ноября 2003 года путь поэта вышел за пределы земного бытия окончательно, и рай стал для него вечностью. Отпевали поэта в том же храме, где когда-то венчался А. С. Пушкин.

*Прошумели редкие деревья.
И на этом свете, и на том
Догорели млечные кочевья
И мосты — между добром и злом.*

В заключение хотелось бы пояснить природу молчания, точнее – замалчивания творчества нашего последнего гениального поэта. Думаю, причина не только в деградации, духовном обнищании общества и торжестве демократической бездарности. Причина, как и творчество самого Кузнецова, значительно глубже.

Мало кто знает, что в дореволюционной России почти невозможно было приобрести томик стихотворений А. С. Пушкина! На это жалуется, например, выдающийся русский философ В. В. Розанов. Удивительно! Однако дело в том, что действительное осознание поэзии А. С. Пушкина как вершины развития русского духа, несмотря на старания Ф. М. Достоевского, было, так сказать, официально утверждено только в сталинский период советской эпохи. Всенародная слава пришла к гению спустя сто лет (!) после его гибели. Сам Ю. П. Кузнецов в последние годы своей жизни обмолвился как-то о том, что понимание его поэзии наступит не раньше, чем лет через пятьдесят...

Думаю, что тут необходимо ещё одно условие: воскрешение империи, ибо только имперский дух способен постичь недостижимые для либерально-демократического интеллигента вершины истинной поэзии.